

Трансформации» (t. 1–7 : A—N, 1996–2007), издаваемый ИПЯ ПАН. Благодаря Э. Жетельской-Фелешко варшавский и краковский научные центры были объединены работой над известными научными справочниками, редактором, со-редактором и соавтором которых она была: «Польские имена собственные. Энциклопедия» (1998), а также двухтомной энциклопедией «Славянская ономастика» (2002–2003), созданной совместно с ономастами из 12 стран.

Известны и останутся известными научной — не только лингвистической — общественности справочники, атласы, лексикографические работы (статьи в «Словаре славянских древностей» («Słownik starożytności słowiańskich»)), а также часто цитируемая книга «В мире имен собственных» (2006). Перевод одного из разделов этой книги публикуется ниже.

Э. Жетельска-Фелешко

ГЛЯДЯ НА ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ*

С именами, фамилиями, адресами мы встречаемся каждый день — в семье, среди друзей, на работе. Они высвечиваются на экране сотового телефона и компьютера. Мы произносим их или записываем, не думая о том, означают ли они что-нибудь, скрывают ли в себе какое-либо содержание. Их основная функция — идентификация. Ежедневно мы встречаемся и с географическими названиями — стран, морей и океанов, гор и пустынь, рек и озер, деревень и городов, улиц и городских площадей. В пути мы руководствуемся названиями, размещенными на карте или плане города, находим их на указателях, установленных вдоль шоссе и автострад либо на углах улиц. Хотя основной функцией и этих имен собственных также является идентификация конкретного объекта, мы чаще задумываемся над названиями этого типа. Проезжая деревню под названием *Zawada* или *Przeszkoda*, строим догадки над тем, какое *przeszkoda* (препятствие) могло быть в этом месте? Турист, приезжающий в *Zakopane*, думает, что этот город — ранее деревня — действительно был в прошлом *zakopany* (закопан). Путешествуя в направлении татрских *Kuźnice*, он задумывается, где здесь были какие-то *kuźnice* (кузницы). Когда на Мазурах он добирается до селения *Borowski Las* —

* Пер. с польск.: *Rzetelska-Feleszko E. Patrząc na nazwy własne // Rzetelska-Feleszko E. W świecie nazw własnych. Warszawa ; Kraków : Wydawnictwo naukowe PWN, 2006. S. 185–198.*

удивляется: лес может быть дубовый, сосновый, но ведь не *боровой* (*borowy*), потому что это «масло масляное». Название кажется совершенно абсурдным.

Многие люди — из чистого интереса — хотят узнать и понять значение географических названий и личных имен, узнать, откуда происходит их фамилия, почему у местности, где они живут, такое, а не иное название. Им недостаточно только идентифицировать конкретный предмет или человека. Такой интерес рождает более или менее удачные версии объяснения названий. Зачастую это так называемые народные этимологии. Одна из наиболее известных — объяснение названия *Częstochowa*: «потому что когда паломники приближаются к городу, им нужно преодолеть пригорок, за которым ясногурский монастырь *часто прячется* (*często się chowa*)». В действительности, название, известное с 1220 г., относилось когда-то к деревне, основателем или владельцем которой был человек по имени *Częstoch*. Это имя является сокращенной, уменьшительной формой имени *Częstomir* или *Częstobor*, распространенного в Польше в средние века. Кроме того, оказывается, что праславянское **čęstь* означало не то, что сейчас¹, а ‘сильный, многочисленный, густой’.

Название города *Sandomierz* часто объясняют тем, что в этом месте река *San* «*домтягивается*» (*domierza*, букв. «домеряет») до Вислы или сливается с ней. На самом деле и это название возникло от имени основателя селения или города-крепости — *Sędomir* или *Sędzimir*. Гласная *к* в этом названии в средние века была записана как *an* — отсюда форма *Sandomir*. Конечное *rz* в названии города — реликт исчезнувшего суффикса **-jь*.

Упомянутые татарские *Kuźnice* действительно происходят от слова *kuźnia*, однако в прошлом кузницей называли также мастерские по обработке железной руды или серебра. Известно, что и железо, и серебро раньше добывалось в Татрах; мастерские исчезли, но названия остались. Название селения *Borowski Las* произошло от названия соседней деревни *Borowo*, а не от слова *bór*. Название города *Sopot* на первый взгляд может показаться немецким, так как до 1945 г. звучало как *Zoppot*. Однако его происхождение становится ясным только тогда, когда мы обратимся к лексике и ономастике других славянских языков. Слово *sopot* означает — особенно на юге славянского ареала — ‘источник, водопад, падающая струя’. От Балтики до Адриатики известны также гидронимы и топонимы *Sopotna*, *Sopotnica*, *Sopotnik*, *Sopot* [ср.: Udolph, 449–452].

Приведенные примеры показывают, насколько разнообразными могут быть народные объяснения названий и насколько они иногда далеки от толкований, опирающихся на научное знание. Различно и отношение людей к именам собственным, используемым ими в повседневной коммуникации: равнодушное и прагматичное или заинтересованное, склоняющееся к тому, чтобы задумываться над их значением и происхождением. В свою очередь, поисками этимологии

¹ См. польск. *częsty* ‘частый’. — *Примеч. пер.*

и объяснения названий могут заниматься и любитель, и профессиональный лингвист. Происхождение названий иногда бывает легким для объяснения (как в случае названий *Grabowo, Górkі*), иногда — требует специальных исследований (как при названиях *Sopot, Wisła, Kaszuby*). Случается, что, несмотря на труд, вложенный в воссоздание этимологии конкретного имени, она остается неясной.

В середине XX в., а в Польше особенно после 1950 г., среди ономастов шла дискуссия о том, имеют ли имена собственные значение или же лишены его. Очевидно, что один тип значения соответствует нарицательному слову *bloto* [болото], другой — названию деревни *Bloto* или *Blota*. Участники дискуссии занимали крайне противоположные позиции [ср.: Proceedings...]. Участвовал в этой дискуссии и Ежи Курилович, тогдашний авторитет в теоретических вопросах языкознания [см.: Kuryłowicz, 1956; 1980]. Его точка зрения получила одобрение в польском научном сообществе. Е. Курилович обратил внимание на то, что онимы не имеют такого значения, как апеллятивы, зато сочетают в себе свойства семантические и дейктические (указание). Объем значения имен собственных очень узок, поскольку они, как правило, относятся к единичным объектам. Содержание же (иначе: значение названия) складывается из свойств человека или объекта, на которые указывает имя собственное. Это содержание зависит от адресата и адресанта коммуникации — может быть очень бедным, если они не знают никаких фактов или свойств данного объекта, или очень богатым, если речь идет о хорошо известном человеке или объекте.

С 1985 г. я придерживаюсь мнения² (как ранее В. Любась (W. Lubaś), М. Куцала (M. Kusała), В. Мёдунка (W. Miodunka), Е. Гродзиньски (E. Grodziński)), что имена собственные скрывают в себе определенные структурные значения, часто также этимологические; они имеют также значения «сущностные», или комплекс черт называемого десигната, хранящийся в подсознании адресанта и/или адресата и потенциально содержащийся в контексте.

Подобной точки зрения придерживается Зофия Калета в разделе «Теория имен собственных», который открывает опубликованный в 1998 г. компендиум по польской ономастике «Польские имена собственные. Энциклопедия» [см.: Kaleta, 1998б]. Автор излагает различные взгляды на проблему существования значения у имен собственных. Отмечается, что у имен собственных могут быть представлены: 1) этимологические значения, связанные с происхождением названия; 2) категориальные значения; 3) эмотивные значения (положительные или отрицательные чувства); 4) метафорические значения (если, например, кто-то носит фамилию *Paluch*³); 5) ассоциативные значения, основанные на ассоциациях, а также оценке; 6) структурные значения, вытекающие из словообразовательной структуры названия.

² Ср.: [Rzetelska-Feleszko, 1988]; здесь также процитированы мнения зарубежных авторов.

³ Ср. польск. *paluch* 'палец'. — Примеч. пер.

В этой книге, в продолжение вышесказанного, я говорю о том, что имена собственные «приходят в мир», содержа в себе одно или несколько из упомянутых выше значений, например этимологическое, эмотивное (эмоциональное), структурное. Имя *Kasia* имеет дополнительное эмоциональное значение (говорит об этом *-ś-*), а его структура (женский род, единственное число) свидетельствует о том, что речь идет о девочке или женщине. Название *Dkbno* имеет этимологическое значение (от слова *dqb* ‘дуб’), категориальное (суффикс *-no* указывает на географическое название) и структурное (единственное число, средний род).

Выполняя функцию идентификации и единичного обозначения людей или объектов, имена собственные приобретают — функционируя в обществе — также иные, новые смыслы. Это происходит под влиянием контекстов и ситуаций, в которых они часто появляются, под влиянием ассоциаций, метафорического использования, повторяющихся интенций и оценок, а также в результате того, что они могут выражать стремления и потребности как отдельных индивидов, так и социальных групп, и даже целых народов. Стало быть, имена собственные могут, в частности, выявлять или символизировать национальные, религиозные, общественные идеи, отражать системы ценностей и притязаний, изменения менталитета, деление на «своих» и «чужих», процессы глобализации и др. Именно этим вопросам и посвящены разделы этой книги.

Такой способ интерпретации имен собственных, «взгляд на них», вытекает из культурологического подхода к языку, связанного с направлением, называемым культурологической лингвистикой (*językoznawstwo kulturowe*).

Именами людей и объектов интересуются, как я упоминала, и обычные люди, и специалисты — языковеды. Ввиду того что имена собственные, зафиксированные в более древние исторические периоды, являются важной частью документов, они вызывают интерес у историков, а учитывая этимологическое значение названий географических объектов — также и у археологов. Географические названия находятся также в центре внимания географов и картографов. Именно по той причине, что ономастика обращает на себя внимание и историков, и географов, и лингвистов, исследования, предметом которых были названия, изначально — в первой половине XX в. — считались областью, располагающейся на границе нескольких дисциплин. Только когда началось интенсивное развитие исследований имен собственных, ономастика была признана разделом лингвистики. Особенно содействовала этому статья Витольда Ташицкого 1963 г., в которой автор пишет о месте ономастики среди гуманитарных наук [см.: *Taszycki, 1963*].

Имена собственные собирались и публиковались в Польше уже с середины XIX в., а позднее их стали описывать и анализировать различными способами. Этнографы видели в них проявления народной культуры. Диалектологи включали их в свои работы и словари в качестве иллюстрации черт того или иного

говора. Этимологи обращались к именам собственным с целью найти более надежное обоснование происхождения слова. Со второй половины XIX в. (Иван Бодуэн де Куртенэ) и первой половины XX в. (Ян Лось (Jan Józef)) историки польского языка используют имена собственные, почерпнутые из средневековых документов с целью изучения процессов, происходивших в старопольском языке между X и XV вв. Именно названия местностей и имена людей, обнаруженные в папской булле 1136 г., а затем и в булле 1245 г., позволили лингвистам установить изменения, которые произошли в истории польского языка между XII и XIII вв. Более поздние документы, особенно тексты судебных присяг с территории Великой Польши, Малой Польши, Мазовии, составленные в XV и XVI вв., которые были опубликованы с рукописей и затем проанализированы, позволили, в свою очередь, описать древнее диалектное членение Польши. Возникла новая лингвистическая дисциплина — историческая диалектология; ее расцвет приходится на последние предвоенные годы, а также на 50–60-е гг. XX в. Историческая диалектология, в большой мере опираясь на имена собственные и их записи в средневековых документах, сформулировала положения о великопольском или малопольском происхождении польского литературного языка — того, которым мы пользуемся сейчас, а также о состоянии и роли силезского и мазовецкого диалектов. В результате ближе всего к истине оказалось объяснение, согласно которому литературный язык соединил в себе элементы великопольского и малопольского диалектов⁴.

Такой подход к именам собственным, в рамках которого занимаются, прежде всего, поиском иллюстраций языковых черт и изменений языка, можно назвать филологическим взглядом на имена собственные. Например, названия деревень, записанные в 1136 г. как *Balouanz*, *Staribiscupici*, или имена *Redanta*, *Domc*, *Crostaucz*, не были важны для исследователя с точки зрения их сущности (т. е. функции, структуры, содержания). Он искал в них ответ на вопрос о «радиусе действия» севернопольского изменения *ra > re* (здесь: **Redzięta*), существовании или отсутствии форм с суффиксом *-ek* (здесь: **Domk*, значит, нет *-ek*) и *-ec* (здесь: *Krostawc*, значит, нет *-ec*), искал указания на хронологию изменения патронимического суффикса *-ici > -ice* (здесь: *Starybiscupicy*), старался уловить процесс и географию мазурения в записи *Zlauos* (**Siawosz*) или *Vsemir* (**Wszemir*). Имена собственные сыграли важную роль в воссоздании тех периодов жизни польского языка, от которых не сохранилось сплошных текстов, но существуют лишь документы, написанные на латинском языке с вкраплениями имен собственных — топонимов и антропонимов.

⁴ Здесь нет места для подробного реферирования дискуссии на эту тему, ср. в связи с этим: [Handke, Rzetelska-Feleszko, 69–90; Encyklopedia...].

Названия деревень и других поселений оказались также важным источником и доказательной базой для исследований по истории заселения территории. Начиная с первой половины XIX в. в разных странах появлялись классификации славянских географических названий. Их создатели опирались либо на этимологические, либо на грамматические критерии⁵. Выделение определенных характерных типов названий связывалось также с этапами раннего славянского расселения.

Польские историки — Тадеуш Войцеховский (Tadeusz Wojciechowski), Франчишек Буйяк (Franciszek Bujał) и др., опираясь на скрытые в названиях значения, выделяли пять категорий названий: 1) географические, указывающие на топографические особенности; 2) патронимические, первоначально обозначающие группу людей, подданных или потомков человека, от имени которого произошло данное название; 3) «притяжательные», первоначально обозначающие собственность человека, от имени которого они были образованы; 4) служебные, обозначающие феодальные повинности жителей; 5) родовые, которые первоначально являлись собирательными названиями семьи или рода, а затем были перенесены на место проживания или деревню (подобно патронимическим названиям).

Эту классификацию модифицировал В. Ташицкий, разделив географические названия на две главные группы: 1) те, которые с самого начала были географическими названиями и 2) те, которые первоначально были обозначениями людей. Он добавил также культурные, «уменьшительные» и этнические группы названий. Семантическая классификация В. Ташицкого вдохновила на многочисленные ономастические исследования, в которых определялось — на основе дат, указанных в документах, — время появления той или иной категории названий и ее исчезновение. Историки, как и лингвисты, связывали время появления и распространения конкретной категории географических названий со временем развития определенного типа поселений. Речь шла главным образом о патронимических, служебных и родовых названиях. Это направление интерпретации обеспечило, несмотря на упрощения и недочеты, прочные достижения. Считается, что патронимические названия указывают на древнейшие центры славянских поселений в Польше, Чехии и Лужице. Служебные названия были тесно связаны с обслуживанием княжеских резиденций особыми служебно-профессиональными группами. Родовые названия сделались типичными для небольших шляхетских поселений в Мазовии и Подляшье, хотя были известны и в других регионах.

Значительная часть ономастов, уделяющих внимание географическим названиям, и сегодня смотрит на них как на свидетельства истории заселения территории, а классификация В. Ташицкого, хотя и в модифицированном

⁵ Далее я упоминаю только польских авторов классификаций.

виде, до сих пор остается актуальной. То, что в Силезии и Малой Польше многие деревни имеют патронимические названия, типа *Myślenice*, *Mikuszowice*, для ономаста не является случайностью. Многие говорят исследователю мазовецкие родовые названия: *Rogacze*, *Żbiki*, *Sębory* и такие двойные наименования, как *Piekuty-Urbany*. Не удивляет и большее число топографических названий на подгорных территориях (например, *Lipnica*, *Kamionka*), и относительно малое число культурных наименований на территориях, заселенных позднее (например, *Izbica*, *Chlewnik*) [ср.: Tazzycki, 1946; перепечатано в: Tazzycki, 1958]⁶.

Исследования по ранним славянским поселениям на польских землях привлекли внимание к гидронимам, которые повсеместно считаются самым древним слоем географических названий. В особенности это касается больших рек: *Wisła*, *Prosna*, *Noteć*, *Pilica*, *Odra*. Очень древние названия имеют и некоторые реки средней протяженности, такие как, например, *Raba*, *Sawa*, *Skawa*, *Sola* на юге Польши или же впадающие в Балтийское море *Ina*, *Tywa*, *Parsęta*, *Łeba* и др. Названия рек стали, прежде всего, предметом этимологических исследований. Оказалось, что многие из них являются дославянскими; сравнивая с неславянскими языками, их в самом общем виде определяют как индоевропейские, поскольку попытки более точного причисления их к какой-либо конкретной языковой группе спорны. Наиболее древние названия рек интересуют относительно узкий круг ученых — лингвистов, археологов, историков. Большинство читателей этой книги увидят в них только названия-знаки, выполняющие идентифицирующую функцию. Названия больших рек также могут становиться символами, подобно тому, как для поляков символом родной страны является *Висла*, для чехов — *Влтава*, для немцев — *Рейн*.

В мировом языкознании — как и в других науках, а также литературе, философии, искусстве — исследовательские школы, направления и течения эволюционируют и подвергаются изменениям. В начале XX в. (независимо от главенствующего в это время сравнительного языкознания и филологического) появилась новая теория, названная структурализмом. В 1880–1891 гг. во Франции ее уже излагал Фердинанд де Соссюр, однако в отдельных европейских странах и центрах она принималась медленно и с модификациями. В Польше адаптация структуралистской теории и методов началась перед 1939 г., достигнув необычайного расцвета в 50-е — 60-е гг. Одним из главных представителей структурализма в Польше был Е. Курилович [ср.: Kuryłowicz, 1987; здесь же: Heinz].

Сущностью структурализма в языкознании является убеждение, что язык — это система взаимно обусловленных элементов, которые отличаются между собой формой, которая подчинена выполняемой функции.

⁶ Упоминаю здесь только несколько характерных примеров, не приводя классификации во всех подробностях, а заинтересованных отсылаю к публикации В. Ташицкого.

Структуралисты создают абстрактную сеть отношений, в которую помещаются реальные языковые факты. Эти отношения присущи разным сферам языка: фонетике и фонологии, семантике и морфологии, а также лексике. Материальная сторона, которая в филологических исследованиях играла основную роль, в структурализме оказывается отодвинута на второй план. Вместо этого на первое место выдвигается абстрактная структура. По мнению многих исследователей, представляющих данное направление, структурный метод — максимально точный, формализованный и объективный [ср.: Heinz, 6, 8].

Структурализм нашел применение прежде всего в синхронических исследованиях, т. е. относящихся к одному хронологическому срезу языка, и следовательно, прежде всего к языку современному. Однако Е. Курилович ввел понятие структуры и в диахронические исследования развития языка и происходящих в нем изменений. Развитие мирового структурализма привело к возникновению различных видов и вариантов этой теории. Подобное произошло в Польше, где отдельные исследователи (и их школы) развивали структурную фонологию, семантику, морфологию, просодию и т. д. Реализуя тезис о реконструкции сети скрытых отношений между элементами языка, они сосредоточивали внимание главным образом на классификации как отношений, так и рассматриваемых элементов.

Одним из результатов приспособления структуралистских теорий к ономастическим исследованиям стала разработанная Станиславом Роспондом классификация славянских топонимов, названная автором с т р у к т у р н о - г р а м м а т и ч е с к о й [см.: Rospond, 1957]. Исследователь подверг критике семантическое деление топонимов В. Ташицкого, а также интерпретации, связанные с историей заселения местности. Классификация С. Роспонда опиралась на строгие принципы — на первое место была выдвинута системная организация элементов и формальная (грамматическая) структура имен собственных⁷.

С. Роспонд делит географические названия на: 1) первичные (например, *Most, Góra*); 2) вторичные, или образованные с помощью суффиксов, приставок, а также путем изменения рода или числа названия, ср. *Dębica, Dalechów, Podlas*; 3) составные (сложные) различных типов: сращения, словосложения, двучленные наименования, например *Czartoryja, Nowydwór, Biały Kamień*. Однако все три группы оказались внутренне неоднородными и требовали дальнейшей классификации. В первой группе названия различаются по значениям, а также по типам основ (происходящие от апеллятивов или от антропонимов). В рамках второй группы типы дериватов выделяются с учетом суффиксов и приставок, с помощью которых образуются географические названия. Таким образом, внутреннее членение каждой из групп осуществляется на других основаниях.

Не вдаваясь в подробности этой классификации, следует отметить, что сила

⁷ Именно эту классификацию С. Роспонд применил к антропонимам [ср.: Rospond, 1967].

воздействия структуралистских теорий, а также убедительность и научный авторитет С. Роспонда оказали огромное влияние на польскую ономастическую школу. Внимание исследователей сосредоточилось на анализе отдельных номинативных структур, прежде всего в топонимии, но также и в антропонимии. Были опубликованы монографии, посвященные географическим названиям с формантами *-*bsk*, *-*bn*, -*ov*-//-'*ev*- и -*in*-//-'*yn*-, -*ica*, -*izna*, названиям типа *Podgóra*, *Zalas* и др., включающие не только польский материал, но и данные всего славянского ареала или его — прежде всего западной — части. Изучались также словообразовательные категории антропонимов: с формантами -*ch*-, -*l*-, с конечным -*o* и др.⁸

Внимание к семантическим категориям топонимов и попытки связать их с процессами заселения — на более раннем этапе исследований — уступили место анализу определенной формальной структуры. Произошли и терминологические изменения: вместо определений «префиксы» и «суффиксы» было введено понятие форманта. Образцом нового типа работ была признана монография С. Роспонда, посвященная славянским географическим названиям с формантом *-*bsk*-, например *Mińsk*, *Płońsk*. Роспонд также разработал метод топонимической стратиграфии. Сам термин «стратиграфия» (от лат. *sternere* 'простирать', *stratum* 'подстилка, ложе') был заимствован из исторической геологии, анализ в которой состоит в изучении последовательности земных слоев. Таким образом, при исследовании конкретной структуры имен собственных речь шла о том, чтобы показать следующие друг за другом хронологические пласты, особенно частотность названий в отдельных пластах. Обычно учитывались и типы географических объектов, связанные с определенной структурой названий, в отдельных слоях.

Исследование системы номинативных структур отдельных хронологических ярусов С. Роспонд осуществил в трех томах «Стратиграфии славянских географических названий» (*Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych*), в том числе и при составлении карт. Наиболее интересная часть первого тома — «макротипы патронимических названий на -*ice*» (например, *Budziszewicy*, *Raciawice*), где автор показывает распространение этого типа названий на все больших территориях славянского ареала, особенно западной. Несмотря на ошибки и недочеты, указанные С. Роспонду рецензентами, его синтетический метод принес интересные и убедительные результаты [см.: Rospond, 1974; 1976; 1979].

Стратиграфические исследования и опубликованные по их результатам монографии среди прочего показали, что суффикс (формант) -*no*-, -*na*-, -*ne* в топонимах в основном образует названия от слов с топографическим значением (например, *Dębno*, *Kamienna*), редко — от слов с культурным значением (например, *Mostne*). Таким образом, обнаруживается определенная семантическая специа-

⁸ См.: [Kaleta, 1998a; Handke, Rzetelska-Feleszko, 69–90; Encyklopedia...], а также «Библиографию польской ономастики», публикуемую отдельными томами каждое десятилетие [Bibliografia..., 1960; 1972; 1983; 1992; 2001].

лизация, причем свойственна она наиболее древним формантам. Точно так же топографические или (реже) культурные значения содержатся в географических названиях с формантом *-ica*, например *Kalnica*, *Cerkwica* (от *cerkiew* [церковь]). Поиск системных закономерностей позволил заключить, что в топонимах патронимического типа добавление форманта *-ice* или *-owice//-ewice* первоначально зависело от типа конечного слога (т. е. последнего звука) антропонима, от которого образовано географическое название.

Утверждалось, что существуют антропонимические форманты, т. е. такие, с помощью которых образуются антропонимы, например уменьшительно-ласкательные формы имен: *Kasia*, *Iwonka*, *Zbyszek*, *Stas* и т. п., — и топонимические форманты. Были также попытки доказать существование в прошлом специальных гидронимических формантов, с помощью которых образовывались названия рек: *-ica* и *-awa*. Однако эта мысль не нашла подтверждения.

Описание имен собственных в структурных категориях и использование в ономастике соответствующей терминологии на долгое время возобладало в ономастических исследованиях во многих странах, например в Чехии. В Польше краковский научный центр и связанные с ним исследователи из других городов остались верны методам и классификации школы В. Ташицкого, тогда как вроцлавский и опольский центры внедрили методологию С. Роспонда. Гданьский центр старался соединить оба метода и классификации [ср.: Kaleta, 1998б; Handke, Rzetelska-Feleszko, 69–90; Encyklopedia...; Rzetelska-Feleszko, 2003]. Многие польские исследователи видят в именах собственных прежде всего их структуру, стараются объяснять конкретные названия, помещая их в абстрактную модель: топонимическую систему, антропонимическую и т. п. От «системного» мышления трудно освободиться.

Живучесть и большая частотность определенных форм и категорий, исчезновение одних и возрождение других — это бесспорные факты, известные и филологической, и этимологической школе, но на первый план их выдвинули главным образом структуралисты. Однако изменения такого рода не обязательно должны быть вызваны системными факторами, они также могут быть следствием эволюции, происходящей во внешнем мире — экономике, культуре, демографическом развитии обществ и т. п.

Структурализм в ономастике, как и в других направлениях языкознания, до сих пор занимает прочные позиции, хотя сила его влияния уменьшается. Девиз де Соссюра «настоящим предметом [исследований] является язык, рассматриваемый сам в себе и относительно себя самого» утратил вдохновляющую силу [ср.: Bartmiński, 1991].

Изначально в США и Западной Европе, а затем и в Польше, начали развиваться направления, преодолевающие изолированность языкознания и языка как объекта исследований от контекста, культуры, ситуации и т. д. Возникли

пограничные направления, связывающие языкознание с другими областями, — социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика. В последнее время говорится и об эколлингвистике [ср.: Bartmiński, 2005; Ohnheiser]. Проблематика связей языка и культуры появляется в новейших направлениях итальянской лингвистики, английской, российской, но прежде всего американской, где становится частью культурной антропологии [ср. особенно: Sapir; Wierzbicka; Anusiewicz, 1995 (здесь, кроме того, литература)].

Взгляд на язык с учетом культурных категорий появился в Польше в связи с работами над «Энциклопедией польской культуры XX в.» (Encyklopedia Kultury Polskiej XX wieku), под влиянием социологических исследований Антонины Кłosковской и этнологических — Войцеха Буршты [ср.: Bartmiński, 1993; Kłowska; Burszta]. Лингвисты из разных университетских центров участвовали в проекте, которым руководил Ежи Бартминьский и который был частью упомянутой «Энциклопедии культуры». Результаты совместных работ были опубликованы в книге «Современный польский язык» (Współczesny język polski, 1993). Ее изданию предшествовали многочисленные обсуждения, во время которых формировался новый, «культурологический» взгляд на языковые явления. С 1991 г. стала издаваться серия «Язык и культура» (15 выпусков до 2004 г.) [см.: Język a kultura]⁹.

Первый выпуск этой серии содержит две программные статьи: Ежи Бартминьского (Jerzy Bartmiński) и Януша Анусевича (Janusz Anusiewicz). Сущностью направления, которое постепенно находило все больше сторонников и принесло много важных научных достижений, является стремление к познанию культуры через призму языка: «переход от слов к вещам». Насколько структурализм изолировал язык от исторического, этнического, религиозного и различных ситуативных контекстов, настолько лингвокультурология (*lingwistyka kulturowa*, букв. «культурная лингвистика») трактует язык как элемент культуры, тесно связанный с широко понимаемым контекстом. Языковые знаки несут информацию не только о самом языке, но выполняют также экспрессивную, магическую, поэтическую, персуазивную, игровую и другие функции.

Программные положения нового направления состоят в следующем:

1. Язык — это продукт культуры, но и транслятор культурных смыслов, присущих данному обществу и человеку.

2. Выходя за границы собственной дисциплины, лингвокультурология расширяет знания о функциях и многоаспектности языка, его связях с жизнью людей и общества.

3. Лингвокультурология способствует развитию новых областей знаний и интересов, становится междисциплинарным направлением.

⁹ Отдельные выпуски этой серии посвящены различным проблемам и публикуются под редакцией разных ученых.

(...) мы хотим, — пишет Анусевич, — принять за сущность языка содержащиеся в нем культурные достижения определенного общества, являющиеся как источником информации о действительности (...), так и выражением, сводом знаний об обществе (...) [Anusiewicz, 1991, 18].

В языке, таким образом, закодирована система ценностей и опыта данного общества, восприятие пространства, времени, количества и качества, словом, видение мира данной языковой общностью.

Я сознательно не использую в тексте книги, а также в этом разделе, термина «когнитивная лингвистика» (*językoznanstwo kognitywne*), поскольку он понимается и употребляется по-разному. Само слово «когнитивный» не вызывает у людей, говорящих на польском языке, никаких ассоциаций, оно происходит от англ. *cognition* ‘познание, впечатление, сознание’, а последнее от лат. *cognition* ‘познание, представление’. Тем более избегаю терминов «когнитивная ономастика» (*onomastyka kognitywna*) или «когнитивистская» (*kognitywistyczna*). Я считаю, что понятие «лингвокультурология» несомненно более однозначно при определении этого научного направления, как и термин «культурологическая ономастика» (*onomastyka kulturowa*).

Обозначенная Е. Бартоминьским и Я. Анусевичем научная программа охватывала все области и аспекты языка. Со временем особую популярность приобрела тематика языковой картины мира, а также исследование языковых стереотипов и их оценочных коннотаций: от позитивных до «ксенофобных» [ср.: *Język a kultura*, 12], встречающихся в социальной коммуникации. Речь здесь идет прежде всего о стереотипных представлениях, относящихся к целым народам/этносам и отдельным их представителям, например стереотип немца, итальянца, француза, еврея, цыгана и др.

Идеи и программы, распространяемые научными центрами, работавшими над книгой «Современный польский язык» (*Współczesny język polski*) под редакцией Е. Бартоминьского, а также серии «Язык и культура» (*Język a kultura*), были восприняты многими польскими лингвистами, в том числе и ономастами. Культурологические интерпретации антропонимов — в особенности старопольских имен — содержат книги и статьи Марии Малец [Malec] и Зофии Калеты [Kaleta, 1998a]. З. Калета осуществляет также культурологическую интерпретацию польских фамилий. В изданном в 1998 г. компендиуме по польской ономастике «Польские имена собственные. Энциклопедия» [*Polskie nazwy własne...*] приводятся также — при рассмотрении различных типов имен собственных — контексты и культурные коннотации.

Интерес к культурологическим аспектам ономастики находит выражение в концепциях книг, опубликованных в Варшаве, Вроцлаве и Чешине: «Имена собственные и культура», «Прошлое, настоящее и будущее польской ономастики», «Имена собственные в языке, культуре и социальной коммуникации», «Жизнь и здоровье человека в польской традиции и культуре» [*Nazwy własne*

a kultura...; Przeszłość, terażniejszość i przyszłość polskiej onomastyki; Nazwy własne w języku, kulturze...; Życie i zdrowie człowieka w tradycji...]. Культурологическое направление бывает представлено также в статьях, публикуемых в журнале «Onomastica» и сборниках докладов Общепольских ономастических конференций.

Поиск мотивов номинации, или причин, которые привели к возникновению и функционированию названий, направляет взгляд исследователя на исторический образ эпохи, в которую возникло название, на существовавшие в прошлом или современные социальные отношения и целый комплекс самых различных факторов. Таким является и мой взгляд на различные виды имен собственных. Его результатом стал цикл работ, в центре которых оказалась топонимия. Анализ названий в их ситуативном контексте постепенно приводил к темам все более разнообразным и — как кажется — интересным интерпретациям, представленным в том числе и в этой книге.

Эта книга публиковалась с мыслью ввести читателя в мир «различных взглядов», т. е. различных возможных интерпретаций и объяснений имен собственных, и убедить его, что имена собственные тесно связаны с ситуациями, в которых они рождаются и в которых затем функционируют. Присматриваясь к названиям, в одних можно увидеть систему ценностей, принятых в обществе или в меньшей группе, в других — веру в магию слова, в третьих — оппозицию «свой — чужой», а также социальные стремления и предпочтения, выражение мировоззрения (от христианского до коммунистического), изменения цивилизационного характера, формирование новых моделей жизни, использование названий в рекламной и персуазивной функции, а также, возможно, иные факты и явления существовавшей в прошлом или современной культуры.

В этом разделе были показаны различные точки зрения на имена собственные, в том числе — три главные направления, или научные школы, представленные в польских исследованиях XX в.

Первое из них — филологическое направление, которое концентрируется на исторической ономастике, прежде всего с целью выявить фонетические и словообразовательные черты польского языка и его диалектов, а также проследить языковые изменения. Это направление также представляли исследователи диалектной ономастики.

Вторым была структуралистская школа, которая оставила в польской ономастике (как и в европейской) яркий и устойчивый след (об особенностях см. выше).

Третьим направлением является культурологическая ономастика, развивающаяся в рамках лингвокультурологии. Это направление, хотя уже имеет своих представителей, пока только развивается и не исчерпало всех возможностей. И будет — как я думаю — продолжено последующими поколениями исследователей.

В своих работах, посвященных ономастике, я первоначально смотрела на имена собственные с филологической точки зрения, выявляя в них черты древних поморских диалектов и рассматривая место этих диалектов в группе лехитских языков на основе языковых фактов, главным образом фонетических. Затем, вместе с Ежи Думой, мы взялись за изучение словообразовательной структуры гидронимов и топонимов Поморья (прежде всего Западного Поморья), также в географо-стратиграфическом аспекте. Структуралистский подход представлен в моих работах о топонимическом форманте *-ica* и названиях, образованных от предложно-падежных форм (например, *Podgórze, Podlas*).

В 1980-е гг. меня начали интересовать мотивы возникновения географических названий, а в 1990-е гг. — мотивации культурного характера, сопровождающие новейшие названия магазинов и фирм, анализ изменений семантики наименования *Żyd* и множество других проблем¹⁰. Эти научные интересы отражены в тематике отдельных разделов данной книги.

Смотреть на имена собственные можно по-разному. Взгляд исследователя, как и обычного «пользователя» названиями, может концентрироваться на том или ином их аспекте, на той или иной категории. Исследователь будет находить все новые объекты интерпретации под влиянием главенствующих на определенном этапе развития науки парадигм — и ономастика будет осваивать все более широкое проблемное поле.

-
- Anusiewicz J.* Kulturowa teoria języka. Zarys problematyki // *Język a kultura 1 : Podstawowe pojęcia i problemy* / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław, 1991.
- Anusiewicz J.* Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław, 1995.
- Bartmiński J.* Język w kontekście kultury // *Encyklopedia Kultury Polskiej XX wieku. T. 2 : Współczesny język polski* / red. J. Bartmiński. Wrocław, 1993. S. 13–22.
- Bartmiński J.* Konwersatorium «Język a kultura». Projekt programu «Język a kultura» // *Język a kultura 1 : Podstawowe pojęcia i problemy*. Wrocław, 1991. S. 9–16.
- Bartmiński J.* Koncepcja językowego obrazu świata w programie slawistycznych badań porównawczych // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 40. 2005. S. 259–280.
- Bibliografia onomastyki polskiej : t. 1 : 1925–1958 / oprac. W. Taszycki. Kraków, 1960; t. 2 : 1959–1970 / oprac. W. Taszycki, A. Turasiewicz. Kraków, 1972; t. 3 : 1971–1980 / oprac. K. Rymut. Kraków, 1983; t. 4 : 1981–1990 / oprac. R. Przybytek, K. Rymut. Kraków, 1992; t. 5 : 1991–2000 / oprac. R. Przybytek, K. Rymut. Kraków, 2001.*
- Burszta W.* Język a kultura w myśli etnologicznej. Warszawa, 1986.
- Encyklopedia wiedzy o języku polskim / red. S. Urbańczyk. Wrocław, 1978.*
- Handke K., Rzetelska-Feleszko E.* Przewodnik po językoznawstwie polskim. Wrocław, 1977.

¹⁰ Библиография Эвы Жетельской-Фелешко находится на интернет-странице Института славистики Польской академии наук в Варшаве; публикации за 1955–1997 гг. в: [Onomastyka i dialektologia].

- Heinz A. Profesor Jerzy Kuryłowicz jako teoretyk języka // Kuryłowicz J. *Studia językoznawcze : wybór prac opublikowanych w języku polskim*. Warszawa, 1987. S. 5–10.
- Język a kultura. 1 : Podstawowe pojęcia i problemy / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław, 1991.
- Język a kultura. 12 : Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław, 1998.
- Kaleta Z. *Nazwisko w kulturze polskiej*. Warszawa, 1998a.
- Kaleta Z. *Teoria nazw własnych // Polskie nazwy własne. Encyklopedia* / red. E. Rzetelska-Feleszko. Wyd. 1. Warszawa ; Kraków, 1998b. S. 15–36.
- Kłoskowska A. *Kultura // Encyklopedia Kultury Polskiej XX wieku : T. 1 : Pojęcia i problem wiedzy o kulturze* / red. A. Kłoskowska. Wrocław, 1991.
- Kuryłowicz J. La position linguistique du nom propre // *Onomastika*. 2. 1956. S. 1–14; перепеч. в англ. версии: The Linguistic Status of Proper Nouns (Names) // *Onomastika*. 25. 1980. S. 5–10.
- Kuryłowicz J. *Studia językoznawcze : wybór prac opublikowanych w języku polskim*. Warszawa, 1987.
- Malec M. *Imię w polskiej antroponimii i kulturze*. Kraków, 2001.
- Nazwy własne a kultura. Polska i inne kraje słowiańskie* / red. Z. Kaleta. Warszawa, 2003.
- Nazwy własne w języku, kulturze i komunikacji społecznej* / red. R. Mrózek. Katowice, 2004.
- Ohnheiser I. *Ekolingvistika i tendencii razvitija sovremennych slavjanskich jazykov // 13th International Congress of Slavists*, 2003. Ljubljana.
- Onomastyka i dialektologia* / red. H. Popowska-Taborska, J. Duma. Warszawa, 1997. S. 15–32.
- Polskie nazwy własne. Encyklopedia* / red. E. Rzetelska-Feleszko. Wyd. 1 : Warszawa ; Kraków, 1998 ; wyd. 2 : Kraków, 2005.
- Proceedings of the Thirteenth International Congress of Onomastic Sciences, Cracow, 1978 : vol. 1–2* / ed. by K. Rymut. Wrocław, 1981.
- Przeszłość, terażniejszość i przyszłość polskiej onomastyki* / red. R. Łobodzińska. Wrocław, 2003.
- Rospond S. *Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych*. Wrocław, 1957.
- Rospond S. *Struktura nazwiska polskiego i śląskiego // Rospond S. Słownik nazwisk śląskich : cz. 1*. Wrocław, 1967. S. VII–XXX.
- Rospond S. *Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych : próbny atlas toponomastyczny. T. 1 : Formacje na *-itjo*. Wrocław, 1974 ; t. 2 : Formacje na *-bsk-. Formacja na *-bn-. Wrocław, 1976.
- Rospond S. *Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych na *-jb- // Onomastica Slavogermanica*. 12. 1979. S. 7–62 + mapy.
- Rzetelska-Feleszko E. *Znaczenie nazw własnych w procesie komunikacji językowej // V Ogólnopolska Konferencja Onomastyczna. Poznań, 3–5 września 1985 : księga referatów* / red. K. Zierhoffer. Poznań, 1988. S. 109–117.
- Rzetelska-Feleszko E. *Specyfika polskich szkół onomastycznych. Związki (lub ich brak) z onomastyką innych krajów słowiańskich // Przeszłość, terażniejszość i przyszłość polskiej onomastyki*. Wrocław, 2003. S. 27–32.
- Sapir E. *Kultura, język, osobowość : wybrane eseje ; przeł. B. Stanosz, R. Zimand ; wstęp A. Wierzbicka*. Warszawa, 1978.
- Taszycki W. *Słowiańskie nazwy miejscowe. Ustalenie podziału*. Kraków, 1946.
- Taszycki W. *Rozprawy i studia polonistyczne. T. 1 : Onomastyka*. Wrocław, 1958. S. 228–268.
- Taszycki W. *Stosunek onomastyki do innych nauk humanistycznych // Onomastika*. 8. 1963. S. 1–18.
- Udolph J. *Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen*. Heidelberg, 1979.
- Wierzbicka A. *Język, umysł, kultura : wybór prac* / red. J. Bartmiński. Warszawa, 1999.
- Życie i zdrowie człowieka w tradycji i kulturze polskiej* / red. W. Bołoz, E. Wolnicz-Pawłowska. Warszawa, 2004.

Пер. с польск. К. В. Пьянковой